

Метафизический статус памяти в «философии жизни» Льва Толстого и Анри Бергсона*

И.И. Евлампиев, И.Ю. Матвеева

В статье опровергается мнение об «архаичности» философских взглядов Л.Н. Толстого; показано, что в своем позднем религиозно-философском учении он формулирует идеи, которые очень близки по смыслу к идеям «философии жизни», особенно подробно разрабатывавшейся Анри Бергсоном. Как и Бергсон, Толстой понимает жизнь в качестве духовного абсолюта (Бога), который только ограниченно и неполно выражает себя в виде пространственного материального мира. В человеке этот духовный абсолюте проявляется как сознание, его важнейшим качеством оба мыслителя считают память, способность воспоминаний, которая понимается не психологически, а строго метафизически. Память на уровне ограниченного материального бытия выражает единство и непрерывную связанность духовного бытия, которое, переходя в форму материального мира, разделяется на независимые элементы и временные «срезы» (отдельные моменты прошлого, настоящего и будущего). Поскольку сознание и жизнь личности есть ограниченное выражение духовного абсолюта, они бесконечны в своем существовании, смерть должна пониматься только как переход бытия личности от одной формы жизни к другой. Также показано, как основные принципы позднего религиозного учения Толстого постепенно формировались в его предшествующем художественном творчестве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Лев Толстой, Анри Бергсон, «философия жизни», память.

ЕВЛАМПИЕВ Игорь Иванович – доктор философских наук, профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

yevlampiev@mail.ru
<http://philosophy.spbu.ru/5939/10990>

МАТВЕЕВА Инга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент театроведческого факультета Российского государственного института сценических искусств, Санкт-Петербург.

inga.matveeva.spb@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22 июня 2018 г.

Цитирование: *Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю.* Метафизический статус памяти в «философии жизни» Льва Толстого и Анри Бергсона // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 141–151.

Понятие жизни является центральным для позднего религиозно-философского учения Л.Н. Толстого; два важнейших его философских произведения – «О жизни» (1888) и «Путь жизни» (1910) – прямо указывают на это. Но и вся европейская мысль конца XIX – начала XX вв. активно использовала это понятие, и ее важнейшим достижением стало создание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-011-00553а.

© Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю., 2018 г.

особой «философии жизни» как главной формы неклассического стиля философствования, открывающего совершенно новые перспективы понимания человека и его отношения с миром. Можно ли философские искания Льва Толстого признать частью этого важного идейного процесса? Имея в виду традиционные, общепринятые оценки мировоззрения Толстого, этого сделать нельзя, большинство исследователей считает, что толстовское мировоззрение «архаично», что его главные идеи принадлежат прошлому, а не настоящему и будущему европейской философии, что оно слишком связано с прямолинейным рационализмом Просвещения. Однако внимательный анализ размышлений писателя, содержащихся в его философских трактатах, в художественных произведениях, в письмах и дневниках, показывает, что этот стереотип понимания является ложным. Толстой хорошо знал и ценил концепции XIX в., в своих построениях он использовал достижения немецкой философии. Особое значение для него имело позднее учение И.Г. Фихте [Евлампиев 2017] и новаторские идеи неклассической философии, прежде всего А. Шопенгауэра. Он не только уловил новые тенденции в философии, но и дал им гениальное развитие, во многом опережавшее свое время. Мы убеждены, что Толстого с полным основанием можно считать одним из родоначальников «философии жизни», причем из всех представителей этого глубокого и сложного направления он оказался наиболее близким по своим идеям к самому известному западному мыслителю начала XX в. — к Анри Бергсону [Евлампиев, Матвеева 2017].

Чтобы продемонстрировать почти полное совпадение главных принципов философских концепций жизни, созданных Толстым и Бергсоном, обратимся к двум наиболее принципиальным моментам в этих концепциях — к метафизическому определению жизни и к роли памяти, воспоминания в описании бытия человека и его отношения с миром и абсолютным началом всего существующего (с Богом, источником жизни).

В философии жизни Бергсона, наиболее полно изложенной в книге «Творческая эволюция», жизнь выступает в качестве духовного абсолюта, который обосновывает и поддерживает все, что существует в мироздании, не случайно концепцию Бергсона называли и называют «новым спиритуализмом» [Блауберг 2003]. В каждом природном объекте сущность жизни проявлена в очень разной степени, но наиболее полно она являет себя в человеке в качестве его сознания. Главное свойство жизни, как и любой формы сознания, — это стремление к абсолютному единству; взаимодействуя с материей как косным началом, стремящимся к разделению и обособлению всех элементов, она распадается на спектр форм, среди которых есть и менее развитые, чем человеческое сознание, и более развитые. «Все происходит так, как будто бы в материю проник широкий поток сознания, отягченный, как всякое сознание, безмерным множеством взаимопроникающих возможностей. Он увлек материю к организации, но его движение бесконечно ею замедлялось и одновременно бесконечно разделялось» [Бергсон 1998, 190].

Точно такое же представление о жизни и ее отношении к материальному миру мы находим в сочинениях Толстого, хотя он в гораздо большей степени, чем это свойственно Бергсону, связывает понятие жизни с религией и религиозными учениями прошлого. Нераздельное единство жизни, проявляющейся в бесконечном множестве живых индивидов, — это одна из известнейших идей Толстого (возможно, здесь на него повлиял Шопенгауэр), особенно ясно выраженная в его поздних дневниках и в последней книге «Путь жизни»: «Все живые существа телами своими отделены друг от друга, но то, что дает им жизнь — одно и то же во всех» [Толстой 1956, 47]. Начало жизни внутри нас и всех живых существ Толстой отождествляет с душой и Богом: «Кроме всего телесного в себе и во всем мире, мы знаем еще нечто бестелесное, дающее жизнь нашему телу и связанное с ним. Это нечто бестелесное, связанное с нашим телом, мы называем душой. Это же бестелесное, ни с чем не связанное и дающее жизнь всему, что есть, мы называем Богом» [Толстой 1956, 59]. Но наиболее часто он связывает это начало с сознанием человека, а еще точнее с самосознанием. «Вся жизнь есть только то, что мы сознаем, и поэтому изучать всю жизнь можно только внутренним путем; все же то, что мы наблюдаем объективно, есть только последствия жизни. Жизнь есть только то, что мы сознаем как жизнь» [Толстой 1935^a, 84]. Как и Бергсон, Толстой решительно противопоставляет научное понимание жизни, которое на деле

описывает только ее материальные, пространственно-временные «последствия» и подлинное понимание ее сущности в религиозных и философских учениях как духовного начала, находящегося «внутри» личности, вне пространства и времени. «Жизнь моя проявляется во времени, пространстве, но это только проявление ее. Сама же жизнь, сознаваемая мною, сознается мною вне времени и пространства» [Толстой 1936, 400].

Толстой, подобно Бергсону, считает жизнь не частной формой существующего, но универсальным, абсолютным основанием всего существующего, поэтому, строго говоря, жизнь присутствует во всех явлениях мира, хотя очень по-разному явлена в них: «Всё – живое. Всё – организмы. Мы не признаем некоторых только п[отому], ч[то] они или слишком велики, как земля, солнце, или слишком малы, как частицы минералов, кристаллов» [Толстой 1935^a, 170]. Эта идея ведет к представлению о бесконечной «лестнице» существ выше и ниже человека, в разной степени демонстрирующих жизнь и способных переходить с одного уровня на другой. Тем не менее человек оказывается центральным и самым важным элементом всего «порыва жизни», а его сознание наиболее точно выражает структуру начала жизни как такового; чтобы познать суть жизни, т.е. познать Абсолют, Бога, начало всего существующего, нам нужно только точно определить самое главное в нашем сознании. Именно здесь в рассуждениях Толстого и Бергсона на первый план выходит понятие воспоминания, памяти (Толстой предпочитает использовать первое понятие, Бергсон – второе).

Бергсон, описывая различие между духовным бытием, которое являет себя в виде сознания человека, и бытием физическим, материальным, приходит к необходимости противопоставить два типа времени, которые характерны для соответствующих разновидностей бытия. Главным свойством материального бытия является его разделенность на самостоятельные элементы и обособленность этих элементов друг от друга, именно это обуславливает наличие в материальном бытии в качестве самой важной характеристики пространства, которое по своей абстрактно-математической сущности есть система внешних отношений между эквивалентными, но различающимися элементами (одинаковыми точками пространства). Вторая характеристика материального бытия, время, задает возможность движения, изменения в нем, но в разделенном бытии она не может сохранить свою внутреннюю специфику и превращается в разновидность пространства; отдельные состояния материального мира и его элементов просто сменяют друг друга, находясь по отношению друг к другу в таких же чисто внешних отношениях, как точки пространства: каждое новое состояние «вытесняет» предыдущее из бытия мира в настоящем. Собственно говоря, и сама обособленность настоящего от прошлого и будущего в материальной реальности есть одно из следствий общего свойства материального мира – его разделенности на элементы и состояния.

В противоположность этому внутреннее, духовное бытие, по Бергсону, обладает качеством абсолютного единства, это делает невозможным применение к нему характеристики пространства. Вторым важнейшим качеством духовного бытия помимо абсолютной целостности Бергсон считает его динамическое развитие, которое выражается в том, что в нем постоянно порождаются новые состояния, которые не отделяются и не противопоставляются старым состояниям и целому, а неразрывно слиты с ними, входят в целое. Такое развитие также предполагает характеристику времени, однако она имеет совершенно иной метафизический смысл, чем время материального мира. Слитность всех состояний означает, что в духовном бытии соединены и не допускают однозначного разделения прошлое, настоящее и будущее, соответствующую характеристику времени Бергсон называет длительностью (*la durée*), это понятие становится самым важным в его философии.

Поскольку духовное бытие совпадает с духовным содержанием личности, с ее сознанием, то описание структуры единства этого бытия и его слитного развития может быть получено с помощью анализа сознания. Этот анализ, утверждает Бергсон, может проделать каждый из нас и в результате получить вывод о том, что конкретная структура длительности (слитного развития духовного бытия) выражается прежде всего в форме памяти. В рамках такого подхода память приобретает не психологический, а строго метафизический,

онтологический характер: в акте памяти происходит выявление единства состояний духовного бытия в настоящем с его состояниями в прошлом. Нужно подчеркнуть, что это не присутствие образа прошлого в настоящем, как понимает память обыденное сознание и как объясняют ее различные психологические теории, а именно объективная (онтологическая) связь состояния духовного бытия в настоящем со столь же реальным и сохраняющимся в общей его структуре состоянием в прошлом (эта связь психологически реализуется как полная «слитность» состояний, ведь то, что человек вспомнил, становится частью его настоящего). Как пишет Бергсон, «...мы никогда не достигали бы прошлого, если бы не были в нем расположены» [Бергсон 1992, 244]. Каждое прошлое состояние бытия личности сохраняется в целостной структуре этого бытия, в этом смысле личность не может ничего полностью забыть из того, что было; каждый из нас потенциально помнит всё и при определенных условиях может вспомнить любой момент прошлого. В противоположность традиционным психологическим концепциям памяти, которые полагают в основание механизма воспоминания работу мозга, Бергсон, наоборот, приписывает мозгу только одну способность — способность блокировать связи сознания личности в настоящем с прошлым ради более эффективного действия в разделенной и определенной материальной реальности настоящего: «...прошлое сохраняется само собой, автоматически. Без сомнения, в любой момент оно следует за нами целиком: все, что мы чувствовали, думали, желали со времен раннего детства, все это тут — все тяготеет к настоящему, готовому к нему присоединиться, все напирает на дверь сознания, стремящегося его отстранить. Мозговой механизм для того и создан, чтобы оттеснить в бессознательное почти всю совокупность прошлого и вводить в сознание лишь то, что может осветить данную ситуацию, помочь готовящемуся действию — одним словом, привести к полезному труду» [Бергсон 1998, 42].

Память вообще не требует никакого «механизма», поскольку «по определению» присуща нашему духовному бытию, составляет его сущностное онтологическое свойство (свойство его полной слитности). Весь сложный механизм нашего телесного существования с его центральным элементом — мозгом и нервной системой — оказывается только способом ограничения нашей памяти, т.е. приведения к конечной форме бесконечного духовного бытия в его слитной временной динамике (длительности). Более того, именно действие этого механизма, реализующегося через акт восприятия, приводит к тому, что личность осознает себя существующей только в моменте настоящего и только в наличном материальном мире, а не во всей бесконечности духовного бытия, охватывающего все моменты длительности (все прошлое) и все элементы бытия в их неразрывном единстве. «В более общем виде можно сказать, что в той непрерывности становления, которая есть сама реальность, настоящий момент конституируется посредством почти мгновенного среза, который наше восприятие делает в протекающей массе, и этот срез, собственно, и есть то, что мы называем материальным миром. Наше тело занимает в нем центральное место, именно тело мы непосредственно воспринимаем как протекающее, и в его актуальном состоянии сосредоточена актуальность нашего настоящего» [Бергсон 1992, 247]. Это означает, что материальный мир не предзадан по отношению к существованию личности, а формируется в его наличной структуре самими актами человеческого восприятия.

Вся эта сложная метафизическая конструкция, весьма запутанно изложенная в работах Бергсона, без труда может быть найдена в поздних трактатах и дневниковых рассуждениях Л.Н. Толстого, причем в гораздо более ясной, хотя и более прямолинейной форме, сочетающей новые, неклассические идеи с известнейшими концептами традиционной религиозной метафизики.

Толстой также противопоставляет два типа бытия, высшее, абсолютное, духовное и низшее, ограниченное, материальное; каждый человек одновременно причастен и тому и другому, хотя осознает себя только в отношении низшего материального бытия, в то время как подлинным существованием обладает как раз духовное бытие, ограниченной, частной формой которого является материальный мир. «Нас смущает понятие бесконечности времени и пространства. Это происходит от того, что мы приписываем действительность явлениям недействительным, кажущимся, — явлениям временным и

пространственным. Явления эти представляются нам бесконечными. В действительности же они не существуют и потому не могут быть ни конечны, ни бесконечны. Существует действительно только духовное — не то, что бесконечное, а такое, к кот[орому] не может быть прилагам признак конечности или бесконечности. Мы в нашей жизни видим явления в известном ряду, во времени и в пространстве, и приписываем этому ряду продолжение вне нашей жизни. В этом заблуждение. Заблуждение в том, что мы считаем нашу жизнь преходящею, а неизменно существующим мир; тогда как неизменно существует наша духовная жизнь, к кот[орой] не приложимо понятие конечности или бесконечности; мир же с своим движением есть только явление преходящее, находящееся в зависимости от нашего представления» [Толстой 1935^a, 184–185].

Духовное бытие «в себе» есть Всё, есть абсолютное единство существующего; можно сказать, что оно есть Бог, но только не личный Бог традиционных религий, а «философский Бог» Николая Кузанского, Гегеля, Шеллинга, Вл. Соловьева и других творцов пантеистических и полупантеистических систем. В этом духовном бытии присутствует тенденция к самоограничению, к разделению на самостоятельные ограниченные существа, в жизни которых связь с породившим их духовным началом оказывается скрытой от них самих. Как и Бергсон, Толстой полагает, что тело человека и других существ является феноменальным выражением их отдельности, относительной независимости от других существ и от породившего их духовного целого; хотя, отделяя их, тело также обеспечивает их связь друг с другом и с целым: «...тело орган общения с миром. А между тем я же говорю, что тело, как мое, так и других существ, есть только предел моего разъединения с миром. Но предел ведь всегда принадлежит частью к той, частью к другой стороне того, что он разделяет. Тело же мое и есть та внутренняя сторона моего предела. Оно все составлено так, чтобы быть органом общения с внешним миром» [Толстой 1935^a, 195]. Вся телесно-материальная, пространственная сторона нашей жизни есть выражение ограниченности и конечности человеческого существа, в то же время сознание — это выражение сохраняющегося единства с духовным началом; в связи с этим Толстой многократно повторяет важнейший тезис своей концепции жизни: «Жизнь есть сознание заключенного в пределы и изменяющего эти пределы духовного (следовательно, не пространственного и не временного) существа» [Толстой 1935^a, 155]. Конкретное содержание жизни, по Толстому, конституируется диалектическим противоречием между единой и неограниченной духовной сущностью каждого существа и его ограниченной пространственной формой.

Понятие времени в концепции Толстого точно так же раздваивается, как и в концепции Бергсона. С одной стороны, время, как и пространство, — это характеристика разделенности и ограниченности нашего существования в материальном мире: «Время есть то, что ограничивает меня, отделяя меня от различных форм жизни, в которых я был или буду» [Толстой 1935^a, 335]. Так понятое время подобно пространству, это физическое время материального мира, «сложенное» из отдельных моментов, допускающих рассмотрение независимо друг от друга. Но формы бытия, разделенные физическим временем, могут быть воссоединены в сознании, могут быть возвращены в неразрывную целостность духовного бытия с помощью важнейшего акта сознания — воспоминания. «Сознание есть интеграл воспоминания. Воспоминание есть сознание во времени окрашенное явлениями материи и пространства» [Толстой 1935^a, 284].

Воспоминание Толстого есть аналог бергсоновской длительности как характеристики целостности духовного бытия; действие сознания целиком сводится к непрерывно длящемуся акту воспоминания, акту воссоздания полноты памяти, как полноты бытия личности. «Жизнь начинается, когда начинается сознание в себе духовного существа (заключенного в пределы). Сознание же это начинается при первом воспоминании того, что было со мной. Что такое воспоминание? Воспоминание есть какой-то (очевидно не материальный) акт, посредством кот[орого] я приписываю два или больше различных событий или впечатлений — себе: и чувствую и говор[ю], что и то и другое состояние было мое состояние. Это сознание единства различных состояний есть начало духовной жизни» [Толстой 1935^a, 175].

Воспоминание оказывается конкретным, экзистенциальным наполнением сознания: если сознание в общей и абстрактной форме описывает характерную для всех живых существ связь с абсолютным духовным началом, то воспоминание дает конкретную картину связи данного живого существа (человека) с этим началом. Как пишет Толстой, «...сознание есть воспоминание, очищенное от образов, а воспоминание — сознание, загроможденное образами. Сознание есть воспоминание (представляя себе во времени) о всей прожитой бесконечное время жизни, (рассуждая же отвлеченно) — сознание своего сознания. Воспоминание же есть ничто иное, как сознание (во времени) непрерывности моей жизни, (рассуждая же отвлеченно) сознание вневременности моей жизни» [Толстой 1935^a, 173].

Как сознание невозможно представлять себе в пространстве и времени, поскольку оно есть проявление абсолютного духовного начала в материальном существе, так и воспоминание нужно представлять не во времени, не подчиненным его структуре, а носящим *вневременный характер, господствующим над физическим временем*. Это позволяет понять парадоксальное утверждение из приведенной цитаты, о том, что воспоминание есть «сознание вневременности моей жизни». Здесь наглядно проступает отличие *метафизического* понимания воспоминания (памяти) у Толстого и Бергсона от психологического понимания современных теорий памяти. Память не просто дает в одном моменте времени образ другого момента, но определяет всю целостную структуру духовного бытия личности, лишь вторичным образом развертывающейся в физическом времени. В этом смысле толстовское «воспоминание» — это именно *вся полнота памяти, сохраняющей и объединяющей все элементы жизни личности без малейшего исключения*. «Память уничтожает время: сводит во единое то, что происходит как будто врозь» [Толстой 1935^a, 49–50].

Таким образом, память (воспоминание) есть характеристика единства и цельной динамики личности *за пределами обычного, эмпирического времени*. При таком понимании она выходит далеко за рамки того, что доступно памяти в ее психологически обыденной интерпретации, в частности, Толстой пишет о том, что воспоминание представляет в сознании жизнь, прожитую в *бесконечном* времени. Раз каждая человеческая личность есть ограниченная форма явления абсолютного духовного начала, она кажется ограниченной в пространстве и во времени только в рамках низшего знания, связанного с формами материального мира (это ограниченное и неполное знание дает наша наука); если мы взглянем на себя с позиции высшего знания, которое дают религия и философия, то поймем, что наше существование столь же бесконечно, как и существование духовного начала, Бога. Толстовское «воспоминание» оказывается подобным «припоминанию» (анамнезису) Платона: оно возвышает человека не только над эмпирическим временем его жизни, но и над земной реальностью как таковой — он осознает бесконечную множественность форм жизни, в которых должна быть реализована его личность. Проницательно вглядываясь в мир и в свою душу, Толстой констатирует, что «...весь этот мир с моей жизнью в нем есть только одна из бесчисленного количества возможностей других миров и других жизней и для меня есть только одна из бесчисленных стадий, через кот[орую] *мне кажется*, что я прохожу во времени» [Толстой 1935^a, 5–6]. Акт воспоминания, пережитый по-настоящему полно и глубоко, доказывает личности, что ее бытие не началось в момент рождения точно так же, как не прервется в момент смерти. В результате концепция воспоминания в рассуждениях Толстого непосредственно ведет к идее бессмертия, к представлению о бесконечной последовательности жизней, проживаемых личностью. Толстой иногда даже признает возможность косвенного «припоминания» содержания предшествующих жизней. «В этой жизни вспоминаешь не данные прошедшей жизни, а данные другой формы жизни. Жизнь всегда вся одна, только в каждой форме она кажется отделенной» [Толстой 1935^a, 103–104].

Даже в этом мистическом воззрении взгляды двух мыслителей оказываются близкими, ведь в своей поздней работе «Два источника морали и религии» Бергсон делает вывод «...о возможности и даже вероятности посмертного существования души», а затем утверждает, что «особо одаренные души» уже в нашем мире с помощью мистической интуиции включаются в потустороннюю жизнь, и далее предполагает, что когда-

нибудь станет возможным конкретное видение «потустороннего мира в более широком научном опыте» [Бергсон 1994, 285–286, 345]. Несомненно, здесь под «потусторонним миром» подразумевается не традиционный христианский рай, а некоторое продолжение земной жизни в иной форме, иначе бы невозможно было «включиться» в него уже из земной жизни и тем более предполагать его постижение в научном опыте.

Еще одним важным понятием концепций жизни Толстого и Бергсона, в котором чрезвычайно наглядно проявляется их сходство, является *характер человека* – то качество, которое заставляет каждого из нас постоянно делать неосознанные предпочтения в ситуациях выбора и тем самым накладывает на поведение печать личностного своеобразия. Являясь главным актом, определяющим сущность личности, память связывает в неразрывной единство все духовное бытие личности, «распределенное» во времени. В обыденной жизни каждый из нас считает, что он живет и действует только в моменте настоящего, а прошлое уже не имеет непосредственного влияния на то, что совершается «здесь и сейчас». Но философский анализ показывает, что личность, «я», есть духовная целостность, в которую включены на равных основаниях все моменты временного бытия человека, поэтому и в конкретном действии личности в настоящем все прошлые состояния также принимают участие и вносят свой «оттенок». В сочетании, сплавленности этих «оттенков» и состоит характер человека. Бергсон ясно выразил эту идею в книге «Материя и память»: «Наша прошлая психологическая жизнь вся целиком обуславливает наше настоящее состояние, не детерминируя его с необходимостью; также вся целиком, она обнаруживается и в нашем характере, хотя ни одного из прошлых состояний в нашем характере явным образом не видно. Соединяясь, эти два условия обеспечивают каждому прошлому психологическому состоянию реальное, хотя и бессознательное существование» [Бергсон 1992, 253].

Толстой подробно пишет о характере в трактате «О жизни», уже здесь он косвенно связывает характер с памятью, хотя главное внимание обращает на его сверхэмпирическое происхождение, т.е. происхождение из предыдущей сферы жизни личности: «...только свойство больше или меньше любить одно и не любить другое – и есть то особенное и основное я человека, в котором собираются в одно все разбросанные, прерывающиеся сознания. Свойство же это, хотя и развивается и в нашей жизни, вносится нами уже готовое в эту жизнь из какого-то невидимого и непознаваемого нами прошедшего. Это особенное свойство человека в большей или меньшей степени любить одно и не любить другое обыкновенно называют характером» [Толстой 1936, 405]. В дневниковых записях 1900-х гг. Толстой уточняет: характер оказывается некоторым итогом всего прожитого в одной сфере жизни, передаваемым в другую сферу. В этом смысле он оказывается важнейшим *метафизическим* и *религиозным определением* личности и ее индивидуальности. Однако очень важно, что Толстой одновременно признает характер *важнейшим объектом для анализа в искусстве*, поскольку через его художественное изображение наиболее естественно можно прийти к пониманию личности. «Почему помнишь одно, а не помнишь другое? Почему Сережу называю Андрю[шей], а А[ндрюшу] – С[ережей]? В памяти записан характер. Вот это, то, что записано в памяти без имени и названия, то, что соединяет в одно разные лица, предметы, чувства, вот это-то и есть предмет искусства. Это очень важно» [Толстой 1935^a, 36].

Эта дневниковая запись от 21 августа 1900 г. имеет первостепенное значение для правильной интерпретации мировоззрения Толстого, и особенно для осмысления взаимосвязи между художественным и религиозно-философским слагаемыми его творчества. Концепция жизни Толстого, в которой центральное место занимает память, была сформулирована писателем уже в конце жизни, но невозможно поверить, что она возникла как бы из ничего и не имела предпосылок в его предшествующем творчестве. Это тем более невероятно в контексте последнего суждения Толстого, в котором художественное творчество прямо признается важнейшим способом анализа памяти и характера. Здесь Толстой, безусловно, опирается на собственный художественный опыт и не просто высказывает пожелание на будущее, а констатирует истину, которой он всегда следовал в своем творчестве. Привести наглядные примеры следования этой художественной методологии важно для того, чтобы доказать единство устремлений

Толстого-художника и Толстого-мыслителя и вопреки сложившимся оценкам продемонстрировать естественность перехода Толстого в поздние годы к построению религиозно-философского учения, которое только завершало те подспудные идейные искания, присутствующие в его художественных произведениях.

Хорошо известно, что одним из важнейших открытий Толстого-художника стала непрерывность и подвижность внутренней жизни человека, что, по меткому определению Н.Г. Чернышевского, принято называть «диалектикой души». Важнейшим элементом внутренней жизни оказывается воспоминание, внимание к которому в художественном мире Толстого задолго до его строго философских трактатов намекает на ту концепцию личности, которая так выразительно сближает его позднее мировоззрение со взглядами А. Бергсона.

Уже в ранней трилогии «Детство. Отрочество. Юность» повествование выстроено через взаимодействие двух взглядов, двух точек зрения — юного Николеньки Иртеньева, чья душевная жизнь является главным объектом осмысления, и взрослого Иртеньева, в воображении которого «...так много возникает воспоминаний прошедшего» [Толстой 1935⁶, 8]. Слово, реализующее непосредственное восприятие мира героем-ребенком, сосуществует со словом «вспоминающим» таким образом, что личность героя как будто присутствует одновременно в разных временных срезах бытия.

Первая глава «Детства» открывается знаменательным фрагментом — Карл Иванович убивает муху над головой Николеньки Иртеньева. Это «событие» приводит в движение мысли героя, и читательское внимание полностью переносится во внутренний мир ребенка: «Положено — думал я — я маленький, но зачем он тревожит меня? Отчего он не бьет мух около володиной постели? вон их сколько! Нет, Володя старше меня; а я меньше всех: оттого он меня и мучит. Только о том и думает всю жизнь — прошептал я — как бы мне делать неприятности» [Толстой 1935⁶, 3]. Течение мыслей героя обнаруживает многосоставность внутренних переживаний, в которых от выражения «досады» и «нелюбви» по отношению к Карлу Ивановичу («Противный человек! И халат, и шапочка, и кисточка — какие противные!» [Толстой 1935⁶, 3]) до состояния абсолютной любви и приятия («Какой он добрый и как нас любит, а я мог так дурно о нем думать» [Толстой 1935⁶, 4]) оказывается один шаг. Таким образом, авторский взгляд и читательское восприятие направлены «вглубь» героя.

Далее в повествование о мельчайших подробностях жизни и быта маленького Николеньки Иртеньева, которые связаны с наблюдениями над поведением, словами, действиями Карла Ивановича и детальным описанием утренних сборов и приготовлений к занятиям, встраивается слово «вспоминающее», слово взрослого Иртеньева. Отметим, что это смещение взгляда из настоящего в прошлое и обратно не ощущается читателем как «сбой» в повествовании, можно признать, что объем изображения героя, Карла Ивановича, возникает именно из наслоения, соединения этих взглядов. Карл Иванович одновременно живет в непосредственном восприятии Николеньки и в воспоминании Иртеньева: «Как теперь вижу я перед собой длинную фигуру в ваточном халате и в красной шапочке, из-под которой виднеются редкие седые волосы. Он сидит подле столика, на котором стоит кружок с парикмахером, бросавшим тень на его лицо; в одной руке он держит книгу, другая покоится на ручке кресел; подле него лежат часы с нарисованным егерем на циферблате, клетчатый платок, черная круглая табакерка; зеленый футляр для очков, шипцы на лоточке. Все это так чинно, аккуратно лежит на своем месте, что по одному этому порядку можно заключить, что у Карла Иваныча совесть чиста и душа покойна» [Толстой 1935⁶, 5–6]. Обратим внимание на использование глаголов настоящего времени для характеристики картин прошлого, только начало этого фрагмента — «как теперь вижу» — является указанием на то, что предьявленная картина — это воспоминание. Прошлое в этом эпизоде (как и во всей трилогии) переживается *как настоящее*.

Однако в художественных произведениях Толстого фрагменты, в которые введены мотивы «воспоминаний», часто выполняют и еще одну задачу, которая может быть определена как возможность проникновения в область таинственного, надындивиду-

ального. Обращает на себя внимание, что такая способность к воспоминаниям пробуждается в героях благодаря соприкосновению с искусством, чаще всего с музыкой.

В повести «Детство», вспоминая, как матушка играла «второй концерт Фильда», взрослый Иртеньев говорит: «Когда я слышу музыку, я не думаю — мысль совершенно умирает, воображение тоже не рисует мне никаких образов и находится в совершенном бездействии — сознание физического существования уничтожается, но я чувствую, что я живу, и живу полно и тревожно. Чувство, которое испытываешь, похоже на воспоминание, но воспоминание чего? Воспоминание того, чего никогда не было, и чего не помнишь» [Толстой 1935⁶, 180] (мы использовали предварительную редакцию фрагмента, поскольку в нем интересующая нас мысль развернута более детально). Это рассуждение молодого Толстого очень точно соответствует его позднему взгляду, в которых, как мы видели, акт воспоминания оказывается главным фактором, помогающим личности преодолеть погруженность в материальное, разделенное в пространстве и времени существование и начать жить духовной жизнью, в которой преодолевается само разделение сути ее бытия на прошлое, настоящее и будущее. Далее Толстой все виды искусств в той или иной степени сводит к «воспоминанию». «Сущность эстетического чувства, возбуждаемого в нас живописью — в обширном смысле — есть воспоминание о образах. Сущность эстетического чувства возбужденного музыкой есть неосознанное воспоминание о чувствах и о переходах из одного чувства в другое. Чувство поэзии есть сознательное воспоминание о жизни с ее образами и чувствами» [Толстой 1935⁶, 180]. Окончательное выражение этой мысли содержится в следующей (третьей) редакции повести: «Основание того чувства, которое возбуждает в нас всякое искусство, не есть ли воспоминание?» [Толстой 1935⁶, 182–183].

Таким образом, уже в самых ранних произведениях Толстого появляется тенденция к пониманию воспоминания, памяти как важнейшего качества личности, обеспечивающего полноту ее духовного бытия, ее господство над земным временем. Более того, в странных словах «воспоминание того, чего никогда не было» Толстой намекает на то, что память обладает не только способностью господствовать над земным временем, но и выводить в какие-то сверхземные сферы.

Эта тема получила развитие в его последующем творчестве. В одном из эпизодов «Войны и мира» разговор героев о детских воспоминаниях, окрашенных личными непосредственными впечатлениями, приводит к предположению о памяти, относящейся к прошлой жизни: «Знаешь, я думаю, — сказала Наташа шепотом, придвигаясь к Николаю и Соне... что когда так вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того доспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете...» [Толстой 1938, 279]. Воспоминание становится для Наташи способом постижения бессмертия души: «...я знаю наверно, что мы были ангелами там где-то и здесь были, и от этого все помним...» [Толстой 1938, 279]. И на недоумение Николая по поводу того, что в этом случае непонятно, за что мы из мира ангелов попали «ниже», в наш земной мир, Наташа решительно возражает: «Не ниже, кто тебе сказал, что ниже?.. Почем я знаю, чем я была прежде... Ведь душа бессмертна... стало быть, ежели я буду жить всегда, так я и прежде жила, целую вечность жила» [Толстой 1938, 279].

Как мы видим, тот весьма сложный ход философской мысли, который в поздних трактатах и дневниковых записях Толстого вел от идеи фундаментальности памяти к выводу о вечности личности в ее духовном, целостном бытии и о возможности воплощения этого целостного бытия в разных сферах жизни, материального бытия, присутствует уже в его главном романе. Тот факт, что эти идеи выражает героиня, формально весьма далекая от философии, подчеркивает интуитивную непосредственность выражаемых здесь истин, которые нужно буквально «вспомнить», извлечь из своей вечной памяти, охватывающей все бесконечное бытие, но открытой, конечно же, далеко не каждому.

Можно еще раз сделать вывод, что распространенная точка зрения о наличии радикального противоречия между мировоззрением Толстого-художника и Толстого-философа, творца оригинального религиозного учения, является глубоко неверной:

наиболее важные принципы позднего религиозного учения Толстого естественным образом вызревали в его предшествующем художественном творчестве. Также можно констатировать глубокую оригинальность и новаторство идей Толстого, по своему смыслу они оказались созвучными новым идеям, вошедшим в европейскую философию на рубеже XIX и XX вв.

Источнику – Primary Sources in Russian and Russians Translations

Бергсон 1992 – *Бергсон А.* Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1. С. 160–316 (Bergson, H. Matière et mémoire. Russian Translation).

Бергсон 1994 – *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 1994 (Bergson, H. Les Deux sources de la morale et de la religion. Russian Translation).

Бергсон 1998 – *Бергсон А.* Творческая эволюция. М.: Канон-Пресс, 1998 (Bergson, H. L'Évolution créatrice. Russian Translation).

Толстой 1934 – *Толстой Л.Н.* Дневник. 1847–1854 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 46. М.; Л.: Художественная литература, 1934 (Tolstoy, L. The Diary. In Russian).

Толстой 1935^a – *Толстой Л.Н.* Дневник. Записные книжки и Отдельные записи. 1900–1903 // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 54. М.; Л.: Художественная литература, 1935 (Tolstoy, L. The Diary and Notes. In Russian).

Толстой 1935^b – *Толстой Л.Н.* Детство. // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1935 (Tolstoy, L. Childhood. In Russian).

Толстой 1936 – *Толстой Л.Н.* О жизни // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 26. М.: Художественная литература, 1936. С. 313–442 (Tolstoy, L. On Life. In Russian).

Толстой 1938 – *Толстой Л.Н.* Война и мир. Т. II // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 10. М.: Художественная литература, 1938 (Tolstoy, L. War and Peace. Vol. II. In Russian).

Толстой 1956 – *Толстой Л.Н.* Путь жизни // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 45. М.: Художественная литература, 1956. С. 10–496 (Tolstoy, L. Path of Life. In Russian).

Ссылки – References in Russian

Блауберг 2003 – *Блауберг И.И.* Анри Бергсон. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Евlampиев 2017 – *Евlampиев И.И.* О философских основаниях религиозных воззрений Достоевского и Толстого // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 35. СПб.: Серебряный век, 2017. С. 289–312.

Евlampиев, Матвеева 2017 – *Евlampиев И.И., Матвеева И.Ю.* Лев Толстой как родоначальник «философии жизни» (Лев Толстой и Анри Бергсон) // Философские науки. 2017. № 5. С. 28–42.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 12. P. 141–151

Metaphysical Status of Memory in “Philosophy of Life” of Leo Tolstoy and Henri Bergson*

Igor I. Evlampiev, Inga Yu. Matveeva

The article refutes the opinion that Leo Tolstoy's philosophical views is “archaic”; it is shown that in late religious and philosophical teaching he formulates ideas that are very close to the ideas of the “philosophy of life”, elaborated by Henri Bergson. Like Bergson, Tolstoy understands life as a spiritual absolute (God), which only limitedly and incompletely expresses itself in the form of a spatial material world. In man this spiritual absolute is manifested itself as consciousness, its most important quality is considered by both thinkers as memory, which is understood not psychologically but strictly metaphysically. Memory at the level of limited material existence expresses the unity and continuous connectivity of spiritual being, which is divided into independent elements and temporary “slices” (individual moments of the past, present and future) when passing into the form of the material world. Since the consciousness and life of the individual are a limited expression of the spiritual absolute, they are infinite in

* The research was carried out thanks to funding of Russian Foundation for Basic Research in the framework of the project No. 18-011-00553a.

their existence, death must be understood only as a transformation of the being of the personality from one form of life to another. It is also shown how the basic principles of Tolstoy's later religious teaching were gradually formed in his previous artistic work.

KEY WORDS: Leo Tolstoy, Henri Bergson, “philosophy of life”, memory.

EVLAMPIEV Igor I. – DSc in Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.

yevlampiev@mail.ru
<http://philosophy.spbu.ru/5939/10990>

MATVEEVA Inga Yu. – CSc in Philology, Associate Professor, Theatrical department, Russian State Institute of Performing Arts, St. Petersburg.

inga.matveeva.spb@gmail.com

Received at June 22, 2018.

Citation: Evlampiev, Igor I., Matveeva, Inga Yu. (2018) ‘Metaphysical Status of Memory in “Philosophy of Life” of Leo Tolstoy and Henri Bergson’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 12 (2018) pp. 141–151.

DOI: 10.31857/S004287440002595-9

References

Blauberg, Irina I. (2003) *Henri Bergson*, Progress-Traditsiya, Moscow (in Russian).

Evlampiev, Igor I. (2017) 'On the Philosophical Foundations of the Religious Views of Dostoevsky and Tolstoy', *Dostoevsky and world culture. Almanac No. 35*, The Serebryanyj vek, St. Petersburg, pp. 289–312 (in Russian).

Evlampiev, Igor I., Matveeva, Inga Yu. (2017) 'Leo Tolstoy as the Founder of the “Philosophy of Life” (Leo Tolstoy and Henri Bergson)', *Filosofskie nauki*, No. 5, pp. 28–42 (in Russian).